

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Салчинкина А.Р. Полковая памятка Л. А. Ржевусского и Г. П. Фисенко в развитии исторической культуры 1-го Волгского полка Терского казачьего войска // Исторический журнал: научные исследования. 2025. № 1. DOI: 10.7256/2454-0609.2025.1.72948 EDN: UAWRYC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72948

Полковая памятка Л. А. Ржевусского и Г. П. Фисенко в развитии исторической культуры 1-го Волгского полка Терского казачьего войска

Салчинкина Ангелина Ростиславовна

ORCID: 0000-0002-4692-5362

кандидат исторических наук

доцент; кафедра истории и политологии; Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина
заведующий кафедрой; кафедра истории и политологии; Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина

350044, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Калинина, 13, каб. 308

✉ eclipsis@yandex.ru

[Статья из рубрики "Историческая память"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2025.1.72948

EDN:

UAWRYC

Дата направления статьи в редакцию:

05-01-2025

Аннотация: В статье на примере «Памятки 1-го Волгского полка Терского казачьего войска» Л. А. Ржевусского и Г. П. Фисенко рассматривается роль полковой историографии в развитии исторической культуры терских казаков, входивших в состав полка. Изучение военно-исторические трудов, посвященных истории полков, представляется весьма интересным, поскольку в них не только содержатся представления о прошлом, зафиксированные в сознании представителей полка, но и заключаются смыслы и суждения, воспринимаемые социальной группой в определенный период как ценностно значимые или даже являющиеся важными составляющими коллективной самоидентификации. В центре исследовательского внимания находятся такие вопросы, как идентификация автора, определение задач, которые перед ним ставили официальные власти и командование полка, определение источников, которые

легли в основу исторического очерка. Важное значение для исследования имеют исторические условия, в которых создавался военно-исторический труд, целевая аудитория, на которую он был рассчитан и способы его распространения среди предполагаемых адресатов. Изучение полковых историй и памяток требует междисциплинарного подхода, комбинирующего методы исторических исследований, прежде всего историко-генетического и системного, с нарративным подходом. Новизна работы определяется малоизученностью проблемы влияния полковой историографии на развитие исторической культуры казачества, в том числе терского. Сделан вывод, что в конце XIX – начале XX вв. одним из способов изучения, сохранения и трансляции боевой истории полка были полковые истории и памятки. Их появлению активно содействовали официальные власти. Показано, что полковая историография, в том числе «Памятка 1-го Волгского полка Терского казачьего войска», подчеркивала важность исторической памяти и преемственности, а также устанавливала определенные алгоритмы действий для воинских частей в условиях войны или внутригосударственных конфликтов. Кроме того, полковые истории и памятки транслировали корпоративно-ценостные ориентиры, способствующие сохранению коллективной идентичности социальной группы.

Ключевые слова:

историческая культура, полковая историография, полковая памятка, 1-ый Волгский полк, Терское казачье войско, Л. А. Ржевусский, Г. П. Фисенко, представления о прошлом, корпоративно-ценостные ориентации, групповая идентичность

Во второй половине XX в. в исторической науке произошли значительные изменения, которые были связаны с развитием исторической антропологии и новой культурной истории. Эти изменения привели к тому, что исторические исследования приобрели междисциплинарный характер, что открыло новые горизонты для анализа исторических событий и процессов. Одним из важных результатов развития междисциплинарности стало возникновение новой области исследования – исторической культуры, которая фокусируется на интерпретациях исторических событий с точки зрения определенных социальных групп или общества в целом, а также на механизмах формирования и передачи представлений о прошлом.

В отечественной науке становление концепта «историческая культура» тесно связано с работами российского историка Л. П. Репиной. В ее исследованиях было предложено расширить предметную область исторической науки за счет нового подхода, «в основу которого положен синтез социокультурной и интеллектуальной истории, что предполагает анализ явлений интеллектуальной сферы в широком контексте социального опыта, исторической ментальности и общих процессов духовной жизни общества, включающем и теоретическое, и идеологическое, и обыденное сознание» [\[1, c. 91\]](#). С 2006 г. вышло в свет несколько фундаментальных монографий отечественных исследователей [\[2; 3; 4; 5\]](#). Предложенные в них теоретические подходы к изучению феномена исторической культуры применимы и для анализа полковых историй и памяток, получивших широкое распространение в Российской империи в конце XIX – начале XX вв.

Полковые исторические очерки представляют собой уникальный сегмент военно-исторических трудов, отличающиеся специфическим подходом к отражению прошлого. В

отличие от масштабных обзоров военных кампаний, полковые истории и памятки фокусируются на исторической пути конкретного воинского формирования. С точки зрения изучения исторической культуры в тексте полкового очерка интерес представляют зафиксированные представления о собственном прошлом, а также корпоративно-ценостные ориентации, позволяющие сохранять собственную групповую идентичность. В связи с этим, анализ полковой историографии с позиций исторической культуры предполагает исследование широкого спектра вопросов. Ключевыми аспектами являются идентификация автора, определение задач, которые перед ним ставили официальные власти и командование полка, и которыми он руководствовался при написании своей работы, а также определение источников, которые легли в основу исторического очерка. Важное значение для исследования имеют исторические условия, в которых создавался военно-исторический труд, целевая аудитория, на которую он был рассчитан и способы его распространения среди предполагаемых адресатов.

Изучение полковых историй и памяток требует междисциплинарного подхода, комбинирующего методы исторических исследований, прежде всего историко-генетического и системного, с нарративным подходом, который фокусируется на рассмотрении и анализе содержания, интерпретаций и смысла нарративов, зафиксированных в тексте полковой памятки и отражающих как представления и ценности терских казаков, так и социальный заказ с учетом идеологической направленности официальной политики XIX в.

В богатой военной истории России полк представлял собой не просто боевую единицу, а организованное сообщество с глубокими традициями, бережно хранившимися на протяжении многих поколений. Эта непрерывность наследия особенно ярко проявлялась в казачьих полках, где военная служба передавалась по наследству, формируя специфическую социокультурную среду. Казачьи полки представляли собой своеобразные микросоциумы со своими устоями, обычаями и системой ценностей. Таковым являлся 1-й Волгский полк, включенный в 1845 г. в состав Кавказского линейного казачьего войска, а в 1860 г. – в Терское казачье войско. При этом старшинство для полка было установлено с 1732 г., когда начала устраиваться Царицынская кордонная линия и было образовано Волгское войско, переселенное позже на Кавказ [\[6, с. 44\]](#). Длительная история, пронизанная военными действиями, потребовала системы сохранения и передачи военного опыта и памяти о прошедших событиях. Составление и распространение полковой памятки, подготовленной командиром 1-го Волгского полка, полковником (в будущем генералом от кавалерии по Терскому казачьему войску) Л. А. Ржевусским и сотником Г. П. Фисенко, стало в этом процессе необходимым инструментом.

Создание полковых историй и памяток было сложной и трудоемкой работой. Требовались скрупулезный сбор информации, ее верификация, составление текста и оформление документов. В связи с этим, в традиции XIX – начала XX вв. выбор составителей полковых историй и памяток был тщательно продуман и обусловлен множеством факторов, которые придавали их труду особую ценность и достоверность. Авторы не только имели непосредственный опыт военной службы, но и обладали литературными способностями и умением работать с историческими источниками, включая архивные документы. Полковник Л. А. Ржевуский не стал исключением. Вероятно, как это было принято в конце XIX в., в помощь ему был дан представитель 1-го Волгского полка, сотник Г. П. Фисенко. Однако, если жизненный и боевой путь первого известен, то сведения о его помощнике пока не обнаружены.

Биография Людомира Александровича (Адама Адамовича) Ржевусского, представителя польского дворянского рода, была связана с Терским (1877–1892, 1897–1907, 1916–1917) и Кубанским (1892–1897) казачьими войсками. Его карьера началась с командования сотней Кизляро-Гребенского конного полка, а затем он возглавил 2-й Сунженско-Владикавказский казачий полк [7, с. 11]. С 1892 г. Л. А. Ржевусский провел пять лет на Кубани, где командовал 1-м Уманским конным полком Кубанского казачьего войска [8, с. 11]. В 1897 г. он вернулся на Тerek и продолжил свою службу, командуя 1-м Волгским полком Терского казачьего войска, а с 1899 г. занимал такие должности, как атаман Пятигорского отдела и старший помощник наказного атамана Терского казачьего войска [9, с. 1; 10, с. 1]. Однако не только военная служба была важной частью жизни Л. А. Ржевусского. К моменту издания «Памятки» у него уже имелся опыт написания воспоминаний о русско-турецкой войне 1877–1878 гг. [11] и об Ахал-Текинской экспедиции 1880–1881 гг. [12], а также вышел в свет сборник сведений по истории и культуре терских казаков, для которого Л. А. Ржевусский собирали и систематизировал материал [13]. Не удивительно, что его работы ценились, а приведенные в «Памятке» сведения о переселении волгцев на Кавказ и об образовании Волгского казачьего полка использовались в дальнейших научных исследованиях по изучению и составлению историй населенных пунктов Терской области [14, с. 2–3].

Мощный импульс развитию полковой историографии дала и провозглашенная на самом высоком государственном уровне политика сохранения и приумножения российского военно-исторического наследия. Согласно указанию 1865 г. Великого князя Михаила Николаевича (его фотография включена в «Памятку» 1-го Волгского полка наравне с фотографией российского императора Николая II), все полки (в том числе казачьи) должны были представить свою боевую историю на Кавказе, с целью сохранения для последующих поколений рассказа о «тех подвигах, которые были совершены частями войск и отдельными лицами в течение продолжавшейся шестьдесят лет непрерывной войны с горцами» [15, с. 79]. Циркуляр генерал-адъютанта М. Д. Скобелева от 1879 г. предписывал воинским частям приступить к описанию своего участия в военных действиях против Турции, что не только «послужит средством для поддержания чести и славы части», но вызовет «рвение к подвигам в будущих войнах» [15, с. 79].

Как видим, основной целью написания полковых историй и памяток было сохранение преемственности воинских традиций, увековечение боевых подвигов и верного служения Отечеству. Они не только фиксировали важные события и достижения, но и служили напоминанием о ценностях, которые были важны для воинских частей на протяжении веков. Военные летописи становились своего рода мостом между поколениями. Генерал-лейтенант Ростислав Александрович Хрещатицкий в предисловии к «Памятке» 1-го Волгского полка подчеркивал, что «сохранение в записи "памятки" вековых заслуг казачества и боевых отличий родного своего полка» служит «в поучение молодым и в утешение старикам» [6, с. III]. Такой посыл при написании военно-исторических трудов, в том числе Л. А. Ржевусского и Г. П. Фисенко, предполагал особый отбор материала, публикация которого должна была способствовать формированию корпоративного сознания и укреплению чувства принадлежности к своей воинской части.

В отличие от полковых историй памятки, которые предназначались для нижних чинов, не отличались сложной структурой и значительным объемом изложенного материала. В «Памятку» 1-го Волгского полка были включены предисловие, подготовленное генерал-

лейтенантом Р. А. Хрещатицким, начальником 2-й Сводно-Казачьей дивизии, в состав которого входил 1-й Волгский полк Терского казачьего войска, основная часть, в которой был особенно выделен раздел об участии Волгских конных полков в русско-турецкой войне 1877–1878 гг., и приложение с хронологией важнейших событий исторической жизни терских казаков, перечнем наказных атаманов Кавказского линейного, Терского и Кавказских казачьих войск, списками начальствующих лиц, штаб- и обер-офицеров, классных чиновников 1-го Волгского полка за 1899 г. и пофамильным списком нижних чинов полка, удостоенных награждения знаком отличия Военного ордена за участие в войне с Турцией. Как и большинство полковых очерков «Памятка» была иллюстрирована: в ней были размещены 14 портретов и фотографий, которые служили визуализацией героев повествования и демонстрацией различных эпизодов полковой жизни, описываемых в работе.

Важным условием для прохождения полковыми очерками рецензирования и получения дозволения к печати было наличие ссылок на исторические источники и труды предшественников. Однако в «Памятке» 1-го Волгского полка их не так много. Среди таковых «Сказание о гребенской иконе Божией Матери», приписываемое рязанскому митрополиту Стефану (1712), «История или Повествование о донских козаках» А. И. Ригельмана (1778) и «История Донского войска, описание донской земли и Кавказских Минеральных вод» В. Б. Броневского (1834). В «Памятку» были включены тексты Высочайших грамот XVIII – XIX вв., при этом библиографическая ссылка была дана только на указ императрицы Анны Ивановны из Правительствующего Сената от 12 ноября 1833 г.

При написании «Памятки» 1-го Волгского полка авторы обращались к трудам известных историков. Среди цитируемых исследователей были уже упомянутые Александр Иванович Ригельман и Владимир Богданович Броневский, подготовившие обстоятельные сочинения по истории донского казачества. Однако отсылка к трудам предшественников была ограничена преимущественно вопросами формирования и появления казачества на политической арене. Изложение истории 1-го Волгского полка Терского казачьего войска, потребовало от Л. А. Ржевусского и Г. П. Фисенко обращения и к первоисточникам. В основе их работы лежали актовые источникам и документы военного делопроизводства – Высочайшие грамоты и приказы, указы Правительствующего Сената и Военной коллегии, приказы по Кавказскому военному округу.

Рассказ об истории полка в большинстве военно-исторических трудов XIX – начала XX вв. велся в хронологическом порядке. Основной тематикой становились военно-административные вопросы: время и обстоятельства формирования полка, определение его старшинства, изменения названия и территориального расположения, реорганизации и переформирования, участие в войнах и кампаниях, описание полковых регалий и др. Данные вопросы с разной степенью информативности раскрывались и в «Памятке» 1-го Волгского полка.

Свое сочинение Л. А. Ржевусский и Г. П. Фисенко открывали историческим экскурсом, который начинался с вопросов происхождения казаков в целом и волгских, в частности. Указывалось, что истоки казачества уходили в XIV в., когда княжеские дружины не могли эффективно противостоять татарским нашествиям, в то время как казаки уже «стояли на страже земли русской, отличаясь своей храбростью и глубокую набожностью» [6, с. 2–3]. Стоит отметить, что данная версия была не единственной, которая бытовала в полковой историографии конца XIX – начала XX вв. К примеру, если составитель истории 1-го Кавказского полка Кубанского казачьего войска А. Д. Ламонов

придерживался версии о появлении первых казаков «во время татарского ига» во второй половине XIV в. [16, с. 15-16], то автор исторического очерка о шефе 1-го Полтавского полка Кубанского казачьего войска Н. Г. Камышан точку отчета сдвигал к XII в., к «эпохе нашествия в Россию монголов» [17, с. 4]. В «Памятке» 1-го Волгского полка не рассматривалась этимология слова «казак», но при этом отмечалось, что казачество пошло «плоть от плоти, кость от костей – Русского народа» [6, с. 1]. Схожие взгляды на первоначальные этнические корни казаков можно встретить и в других полковых памятках. Для А. Д. Ламонова казаки – это «русские служилые люди, селившиеся на окраинах, для... пограничной службы» [16, с. 16], для В. Я. Червинского – «блудные сыны России», которые не ужившись «с известным государственным порядком... решились расстаться с родным домом и уйти на свободные земли и вести жизнь свою, подчиняясь лишь собственной воле» [18, с. 1-2].

Обращаясь к спору о происхождении волгских казаков от рязанских или донских, авторы писали, что «значительная часть волгских казаков состояла из пришельцев с Дона», куда стекались разного рода беглецы, в том числе и из Рязанского княжества [6, с. 8]. В «Памятке» также рассматривалась история создания острога Терки в 1577 г. и процесс формирования старшинства Терского казачьего войска. Важным документом, упомянутым в работе, стала грамота Анны Ивановны, согласно которой в 1732 г. было официально образовано Волгское казачье войско. В качестве причин переселения волгских казаков на Кавказ указывались тяжелые условия жизни и службы на Волге без упоминания восстания Е. И. Пугачева [6, с. 14].

Делая обзор на «Памятку», газета «Русский инвалид» констатировала: «В ней казак найдет повествование об истории казачества, долгое время служившего оплотом России от набегов воинственных соседей, о славной эпопее кавказской войны, покрывшей неувядаемой славой Терское войско, и об участии Волгского полка в последней турецкой кампании и текинской экспедиции» [19, с. 4]. Действительно, авторы выделяли в тексте «Памятки» несколько ключевых событий в истории 1-го Волгского полка, особо зафиксированных в памяти волгцев и значимых с позиций официальных властей. Среди них Смутное время, когда волгские казаки сражались за царя Михаила Федоровича против мятежных сил, покорение Кавказа и присоединение Средней Азии, которые стали важной вехой в истории России. Отдельный раздел был посвящен русско-турецкой войне 1877–1878 гг., где волгские казаки проявили себя как храбрые и преданные защитники Отечества. История полка завершалась заверениями, что «волгцы... при первом же призывае докажут на деле, что и они достойны того высокого доверия, той вековой казачьей доблести и тех многочисленных заслуг и регалий, коими предки Царя в былье годы отличали самоотверженную храбрость, преданность и удаль их дедов и отцов» [6, с. 41].

Полковые очерки XIX – начала XX вв. представляли собой исторические летописи, в которых фиксировались подвиги и героизм, проявленные офицерами и нижними чинами воинских частей. Следуя этой традиции, в «Памятке» 1-го Волгского полка был включен не только перечень нижних чинов, награжденных знаком отличия ордена Святого Георгия 3 и 4 степени, но и подробно описаны конкретные случаи отваги в боевых условиях. Одним из таких примеров стал подвиг казака Терехова и хорунжего Татонова, который произошел во время Ахал-Текинской экспедиции в 1879 г. Эта экспедиция, цель которой заключалась в захвате стратегически важной крепости Геок-Тепе, обернулась для русских войск под командованием генерал-майора Н. П. Ломакина тяжелым

поражением. В ходе неудачной попытки штурма, когда ситуация стала критической, 4-я сотня волгцев, несмотря на отступление, продолжала вести огонь по противнику. Казак Терехов, потерявший своего коня, проявил невероятную отвагу, сумев отразить атаку двух текинцев. В это время хорунжий Татонов, не раздумывая, подхватил своего подчиненного и, рискуя собственной жизнью, вытащил его с поля боя. Эти действия не остались незамеченными: Татонов был награжден орденом Святой Анны 3 степени с мечами и бантом, а Терехов получил знак отличия военного ордена 4 степени и был повышен в звании до урядника [\[6, с. 37-38\]](#). Выбор именно этого подвига для включения в «Памятку» был не случаен. Во-первых, Л. А. Ржевусский рассказывал о событиях, которые были ему особенно близки, поскольку он лично принимал участие в первой Ахал-Текинской экспедиции под командованием генерала Н. П. Ломакина. Во-вторых, описанный подвиг отражал основополагающие традиционные ценности казачества, такие как отвага, боевое братство, ответственность за своих товарищей и стремление защищать общественные интересы. Героизация поступков Терехова и Татонова способствовала формированию в сознании казаков определенного алгоритма действий в экстремальных ситуациях, а именно сражаться до последней возможности и не сдаваться в плен противнику.

В Российской империи существовала развитая система награждения не только отдельных военнослужащих за личные заслуги, но и целых воинских частей за коллективную доблесть и выдающиеся боевые успехи. Эти награды, как подчеркивает Р. А. Хрещатицкий, – «регалии, знамена, отличия» – жаловалось от имени Императора и «служили живым и наглядным памятником воинской доблести казачьих войск» [\[6, с. III\]](#). Они бережно хранились как святыни и передавались из поколения в поколение, становясь частью полковой истории и традиций. В работе Л. А. Ржевусского и Г. П. Фисенко представлен исчерпывающий перечень знамен и регалий Волгского казачьего войска, унаследованных 1-м Волгским полком. Эти награды были пожалованы за службу на Волге еще при Петре III, Анне Ивановне и Екатерине II. Среди них упоминаются 17 знамен и атаманская насека – символ власти и достоинства войскового атамана. Кроме того, в «Памятке» 1-го Волгского полка описывались награды, полученные уже самим полком за участие в Кавказской войне 1817–1864 гг. и русско-турецкой войне 1877–1878 гг. – георгиевское знамя с георгиевскими лентами «За отличие при покорении Восточного и Западного Кавказа»; георгиевские серебряные трубы с надписями «За отличие в сражении при Деве-Бойну 23-го октября 1877-го года» и «За взятие Карса 6-го Ноября 1877-го года»; знаки отличия на головные уборы с надписью «За отличие в турецкую войну 1877–1878-го годов». Л. А. Ржевусский и Г. П. Фисенко включили в свой очерк тексты Высочайших грамот о награждениях, а также фотографии георгиевских знамен и труб. Столь пристальное внимание авторов к военным геральдическим знакам объяснялось тем, что они, с одной стороны, отражали прежние заслуги полка перед Отечеством, а с другой, символизировали преемственность и готовность «с честью поддержать на поле брани славу казачьего оружия» [\[6, с. 41\]](#).

Помимо боевой истории полка, в «Памятке» затрагивались и другие стороны жизни части, прежде всего, связанные с опасными буднями в казачьих станицах. Жизнь на Кавказе держала терских казаков в постоянном напряжении, приходилось отражать «беспрерывные вторжения горцев», «почти на каждом шагу встречая смерть» [\[6, с. 15\]](#). В случае ухода строевых казаков в поход забота о защите станиц ложилась на плечи стариков, подростков и женщин. В качестве одного из таких примеров, Л. А. Ржевусский и Г. П. Фисенко описали оборону станицы Волгского полка, когда казачки, переодевшись в мужскую одежду, чтобы дезориентировать противника, собрали все

подручные средства, которые могли бы служить оружием, и «высыпали на вал» [\[6, с. 21\]](#). Горцы, не желая ввязываться в тяжелый бой с неожиданно сильным противником, приняли решение отступить, решив, что получили ложные сведения относительно отсутствия в станице боеспособных казаков. Отметим, что с точки зрения изучения исторической культуры терского казачества, описание действий казачек представляет интересен не только, как фиксация исторического факта, но и как трансляция идеи, что «тяжелую линейную службу нес не только один строевой полк, но ее несло все население Волгского полка», а победы достигались благодаря «готовности жертвовать своей жизнью за свободу и родные станицы» [\[6, с. 21\]](#).

Полковую память, запечатленную в работе Л. А. Ржевусского и Г. П. Фисенко, составляли не только тексты, но и тщательно подобранная визуальная составляющая. Наиболее часто встречающимися изображениями были групповые фотографии офицеров и нижних чинов, демонстрирующие единство полка, и портреты членов императорской фамилии – Николая II, в годы правления которого и была написана «Памятка», а также Великих князей Михаила Николаевича и Николая Николаевича. Имелись портреты и других начальствующих лиц Волгского полка – командующего войсками Кавказского военного округа и атамана Кавказских казачьих войск, князя Григория Сергеевича Голицына; героев русско-турецкой войны 1877–1878 гг., почетных казаков станиц Александрийской и Луковской, генералов Михаила Ивановича Драгомирова и Ивана Федоровича Тутолмина; начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска, генерал-лейтенанта Семена Васильевича Каханова; начальника 2-й Сводно-Казачьей дивизии, генерал-лейтенанта Ростислава Александровича Хрещатицкого; командира 2-й бригады 2-й Сводно-Казачьей дивизии, генерал-майора Николая Георгиевича Вышеславцева. Естественно, что выбор конкретных личностей был связан прежде всего со значимостью их вклада в историю полка.

Главной целевой аудиторией, для которой готовилась полковая памятка, были нижние чины (в то время как полковые истории ориентировались больше на офицеров). Предполагалось, что работа А. Ржевусского и Г. П. Фисенко будет полезна и для последующих поколений, в связи с чем, газета «Русский инвалид» отмечала: «Нечего и говорить, что ознакомление с подвигами отцов и дедов послужит залогом того, что молодые поколения волгцев исполнят в будущем славные заветы, завещанные им героями вековой кавказской войны» [\[19, с. 4\]](#). Печатные экземпляры «Памятки» с готовым и дозволенным цензурой текстом отправлялись в столицу – в Императорскую публичную библиотеку и библиотеки Императорской Академии, Генерального и Главного штаба. Информация о работе А. Ржевусского и Г. П. Фисенко была внесена и в библиографический указатель военного историка А. И. Григоровича «Перечень историй и памяток войсковых частей» [\[20, с. 84\]](#).

Таким образом, полковые истории и памятки играли важную роль в формировании исторической культуры воинских частей. Фактически, они выступали в качестве объединяющего и идентификационного источника, сводящими воедино прошлое, настоящее и будущее воинского коллектива. «Памятка» 1-го Волгского полка Терского казачьего войска, подготовленная авторами, обладающими навыками работы с историческими источниками и знавшими особенности военной службы изнутри, была ориентирована на действующие нижние чины и последующие поколения волгцев. «Памятка» не только сохраняла преемственность воинских традиций, но и служила важным инструментом для формирования идентичности и корпоративного духа среди казаков. В описании исторического пути Волгского полка, А. Ржевусский и Г. П. Фисенко сделали акценты на тех событиях, которые стали ключевыми для исторической памяти

казачества и получили положительную оценку со стороны официальных властей. Именно в них наиболее ярко проявились важные качества казаков – верное служение православному царю и Отечеству.

Библиография

1. Репина Л. П. Историческая культура как предмет исследования // История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени / Под ред. Л. П. Репиной. М.: Кругъ, 2006. С. 5–18.
2. История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени / Под ред. Л. П. Репиной. М.: Кругъ, 2006. 768 с.
3. Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом / Под ред. А. Н. Дмитриева. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 551 с.
4. Историческая культура белорусов и россиян: формирование представлений о национальном и общем прошлом (памяти профессора В. Е. Козлякова) / Под ред. П. С. Крючека, О. В. Матвеева. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2023. 382 с.
5. Чеканцева З. А. Время историка. Историческая культура и эпистемология эпохи антропоцена. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2024. 312 с.
6. Памятка 1-го Волгского полка Терского казачьего войска / сост. Л. А. Ржевусский, Г. П. Фисенко. Хотин: Типография М. Ландвигера, 1899. 55 с.
7. Высочайшие приказы по Военному ведомству // Русский инвалид. 1877. 24 мая. № 112.
8. Высочайшие приказы по Военному ведомству // Русский инвалид. 1892. 24 сентября. № 209.
9. Высочайшие приказы по Военному ведомству // Русский инвалид. 1897. 25 мая. № 112.
10. Высочайшие приказы по Военному ведомству // Русский инвалид. 1899. 4 мая. № 95.
11. Ржевуский. Из воспоминаний сотенного командира // Сборник военных рассказов, составленных офицерами-участниками войны 1877–1878: в 6-ти т. СПб.: Хромолитография и типография А. Траншеля, 1878–1879. Т. V. 1879. С. 114, 119–120. 714 с.
12. Ржевуский А. От Тифлиса до Денгиль-тепе (Из записок участника) // Военный сборник. 1884. №№ 6–10; 1885. №№ 3, 6, 7.
13. Терцы: Сборник исторических, бытовых и географико-статистических сведений о Терском казачьем войске / Сост. А. Ржевуский. Владикавказ: Типография областного правления Терской области, 1888. 287 с.
14. Сосиев А. Станица Екатериноградская. Историко-статистический очерк // Терские ведомости. 1899. 5 сентября. № 101.
15. Историография войсковых частей // Военная энциклопедия. Т. XI. СПб.: Товарищество И. Д. Сытина, 1913. 322 с.
16. Ламонов А. Д. История 1-го Кавказского наместника Екатеринославского, генерал-фельдмаршала, князя Потемкина-Таврического полка Кубанского казачьего войска. 1803–1918 гг. Екатеринодар: б/и, 1919. 417 с. (Государственный архив Краснодарского края. Ф. 670. Оп. 1. Д. 5)
17. Камышан Н. Г. Историко-биографический очерк. Кошевой атаман Сидор Игнатьевич Белой. Шеф 1-го Полтавского полка Кубанского казачьего войска. Эреван: Скоропечатная-Типография А. С. Гуламирянца, 1911. 44 с.
18. Червинский В. Памятка Кубанского казачьего войска. Спб.: Типография Чичинадзе, 1896. 51 с.
19. Обзор книг и журналов // Русский инвалид. 1899. 11 сентября. № 198.

20. Григорович А. И. Перечень историй и памяток войсковых частей. Ч. 1 [единств.]. Гвардейский корпус, гренадерские, пехотные и стрелковые части, драгунские, уланские, гусарские и казачьи полки. СПб.: Первая Жен. Тип. Т-ва «Печ. Станка», 1913. 95 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

История России богата ратными подвигами: это и поле Куликово, и Бородино, и, конечно, знаковые сражения Великой Отечественной войны. Боевая слава русского оружия известна далеко за пределами нашей страны. Особую роль в деле защиты рубежей страны играло казачество, много столетий находившееся на фронтире. Обращение к истории казачьих полков представляется важным как с точки зрения изучения социокультурного наследия, так и с целью устраниния белых пятен российской истории.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является историческая культура 1-го Волгского полка Терского казачьего войска. Автор ставит своими задачами рассмотреть дефиницию "историческая культура", проанализировать систему сохранения памяти в казачьих частях, рассмотреть полковую памятку Л. А. Ржевусского и Г. П. Фисенко.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор стремится охарактеризовать "Памятку" 1-го Волгского полка в рамках изучения исторической культуры. Научная новизна определяется также привлечением архивных материалов.

Рассматривая библиографический список статьи как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя 20 различных источников и исследований. Из привлекаемых автором источников укажем прежде всего на "Памятку 1-го Волгского полка Терского казачьего войска", составленную Л. А. Ржевусским и Г. П. Фисенко, а также воспоминания и опубликованные приказы, документы из фондов Государственного архива Краснодарского края. Из используемых исследований отметим труды Л.П. Репиной, в центре внимания которой находятся различные аспекты изучения исторической культуры. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по её теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как исторической культурой, в целом, так и казачеством, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что "создание полковых историй и памяток было сложной и трудоемкой работой", а составители "не только имели непосредственный опыт военной службы, но и обладали

литературными способностями и умением работать с историческими источниками, включая архивные документы". В работе показано, что согласно существовавшим традициям "в «Памятку» 1-го Волгского полка был включен не только перечень нижних чинов, награжденных знаком отличия ордена Святого Георгия 3 и 4 степени, но и подробно описаны конкретные случаи отваги в боевых условиях". Автор обращает внимание на то, что "Памятка" 1-го Волгского полка Терского казачьего войска, подготовленная авторами, обладающими навыками работы с историческими источниками и знавшими особенности военной службы изнутри, была ориентирована на действующие нижние чины и последующие поколения волгцев".

Главным выводом статьи является то, что "в описании исторического пути Волгского полка, А. Ржевусский и Г. П. Фисенко сделали акценты на тех событиях, которые стали ключевыми для исторической памяти казачества и получили положительную оценку со стороны официальных властей".

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по истории России, так и в различных спецкурсах.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале "Исторический журнал: научные исследования".